

ПРОБЛЕМА ОБУЧЕНИЯ ПИСЬМЕННОМУ РУССКОМУ ЯЗЫКУ (ЧТЕНИЮ И ПИСЬМУ) ВЗРОСЛОГО НАСЕЛЕНИЯ НА КОЛЬСКОМ СЕВЕРЕ В XX ВЕКЕ*

THE PROBLEM OF TEACHING WRITTEN RUSSIAN (READING AND WRITING) TO ADULTS IN THE KOLA NORTH IN THE TWENTIETH CENTURY

T. Rychkova
O. Ivanishcheva
A. Burtseva
A. Koreneva

Summary. The article presents analysis of the Murmansk press and archive materials of the first half of the 20th century. The article describes the problems of teaching written Russian (reading and writing) of the adult population in the Kola north in the twentieth century. The study identifies the difficulties and specifics of the implementation of the program to eliminate illiteracy, due to both the political and economic situation in the country and the specific conditions of our region.

Keywords: language teaching, Russian language, Kola North.

Рычкова Татьяна Александровна

К.филол.н., доцент, ФГБОУ ВО «Мурманский
арктический государственный университет»
rychkovata@yandex.ru

Иванищева Ольга Николаевна

Д.филол.н., профессор, ФГБОУ ВО «Мурманский
арктический государственный университет»
oivanishcheva@gmail.com

Бурцева Александра Вячеславовна

К.п.н., доцент, ФГБОУ ВО «Мурманский арктический
государственный университет»
alexandraburtseva@yandex.ru

Коренева Анастасия Вячеславовна

Д.филол.н., профессор, ФГБОУ ВО «Мурманский
арктический государственный университет»
korenevaanast@mail.ru

Аннотация. В статье представлен анализ Мурманской прессы и архивных документов первой половины XX века, освещающих проблемы обучения письменному русскому языку (чтению и письму) взрослого населения на Кольском Севере в XX веке. В исследовании определены трудности и особенности реализации программы по ликвидации безграмотности, обусловленные как политико-экономической ситуацией в стране, так и специфическими условиями нашего края.

Ключевые слова: Преподавание языка, русский язык, Кольский Север.

Цель данной статьи — на основе архивных данных и материалов газет показать, как проходил процесс обучения письменному русскому языку (чтению и письму) взрослых безграмотных (вообще не умеющих ни читать, ни писать) и малограмотных (знающих буквы, умеющих написать свое имя) на Кольском севере в первой половине XX века; определить трудности и особенности реализации программы по ликвидации безграмотности, обусловленные как политико-экономической ситуацией в стране, так и специфическими условиями нашего края.

В качестве материала для исследования привлеклись не только архивные документы, но и пресса первой половины XX века. Как показал анализ, информация в официальных документах и газетных статьях иногда

не совпадает. Автор данного исследования полагает, что данные публицистики более правдивы, так как их нельзя подправить и заменить через какое-то время в связи с изменением ситуации в стране, как это, возможно, происходило с официальными документами. Кроме того, в газетах представлена более детализированная и разносторонняя информация о происходящих процессах в области обучения языку в отличие от официальных отчетов, где обычно отражаются только итоги.

К началу XX века в Мурманской области 80% населения владели только устным русским языком и не умели читать и писать [1, с. 52]. Еще 1920-х годах, судя по информации из газет, ситуация со школами была критическая. Например, «Полярная правда» в 1920-м году так описывает ситуацию с образованием в Понойской об-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Мурманской области в рамках научного проекта № 18-412-510001

ласти Мурманского уезда: «... школы для неграмотных взрослых нет, лекции для них никем не читаются, школа для детей пришла в такую ветхость, что если ее теперь не починишь, то вероятно она к следующему учебному году не будет пригодна для помещения училища» [2, с. 2].

26 декабря 1919 года вышел декрет «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР». Народный комиссариат по обучению разработал специальные методики обучения грамоте, учебники состояли из простых текстов и политически актуальных агитационных призывов. В 1920–1924 году вышел первый советский массовый букварь Д. Элькиной, Н. Бугославской и А. Курской под названием «Долой неграмотность!». Туда входили различные лозунги, в том числе известный «Мы — не рабы, рабы не мы», стихи В. Я. Брюсова, Н. А. Некрасова. Кроме того, были выпущены «Рабоче-крестьянский букварь для взрослых» В. В. Смушкова, «Букварь для рабочих» Е. Я. Голанта. Газеты и журналы публиковали тематические уроки и методические советы по обучению грамоте. Так, журнал «Вестник Мурманска» 1923 г. указывает, что обучение детей и взрослых должно отличаться: взрослому вместе с русским языком должен дополнительно даваться целый комплекс «практических и политических знаний», то есть помимо собственно обучения чтению и письму должна ликвидироваться политическая, техническая неграмотность (хотя бы на примитивном уровне), должны разъясняться «вопросы быта», проводиться «профессиональная пропаганда» [3, с. 12].

На Кольском полуострове работа по ликвидации неграмотности началась с апреля 1920 года. Стали открываться школы для взрослых, кружки и курсы. В марте 1920 года был создан уездный отдел народного образования, который возглавил работу по ликбезу [1, с. 53]. В 1924 году было организовано общество «Долой неграмотность».

Необходимо было определить точное количество неграмотных. В прессе есть информация о том, что в случае нежелания вставать на учет граждане подвергались определенному наказанию. В «Полярной правде» от 11 сентября 1920 г. опубликовано объявление об обязательной регистрации степени грамотности граждан от 8 до 50 лет с указанием, что те, кто не явится в Отдел Образования, не получат продовольственных карточек на следующий месяц. Применение наказания для нежелающих учиться было характерно для того времени: позже в той же газете в воспитательно-профилактических целях упоминается о том, что в Бобруйске слушалось дело 333 неграмотных, которые уклонялись от обучения. Суд признал их причины (недостаток свободного времени) недостаточными и проговорил к 3 месяцам условного срока, если они пройдут за это время курс грамоты [4, с. 2].

Судя по данным газет, борьба с неграмотностью велась очень активно: моряки, железнодорожники, женщины-комсомолки активно агитировали взрослых учиться читать и писать.

Например, в статье «К товарищам железнодорожникам» железнодорожник Тяговик так призывает к ликвидации безграмотности: «На первой очереди стоит не только в масштабе нашей дороги, но и во всероссийском масштабе, ликвидация безграмотности. Надо строго учесть на каждом пикете, на каждом околотке, станции точное количество неграмотных железнодорожников и сейчас же создать школу для их обучения. На каждой станции найдется человек грамотный и достаточно развитой, чтобы взять это дела на себя. Нужно только сознание учащихся и учащего, чтобы дело быстро двинулось вперед. Во вторую очередь нужно развивать уже грамотных, но умеющих почти что только писать свою фамилию и читать по слогам... На большинстве станций 4-го района, как Кола, Шонгуй, Лопарская, Тайбола, Оленья, Имандра, Зашеек, Кандалакша, Жемчужная, Княжья Губа, Ковда имеются помещения коллективов, театров и вообще какой-либо зал для собраний — в них и надо начать работу» [5, с. 2–3].

Чтобы сильнее воздействовать на целевую аудиторию, авторы статей обращаются к понятным морякам сравнениям: «Надо помнить, грамота — не тихий свет. Грамота-боевой прожектор! — В том океане лжи, в котором те, кому выгодно, топили миллионы безответных неграмотных, в этом океане один просто грамотный подобен подводной лодке. Врет, врет какой-нибудь «доброжелатель»; подводит «мины», заряжает «пушку». Вдруг — «вынырнул» грамотный». — Погоди, братишка! Что-то не так. А ну, почитаем сами. И хитрая «мина» рвется под кормой хитрого «транспорта», пытающегося его поставить. Рвется, не успевши окунуться в воду» [6, с. 3].

В случае непосещения курсов ликбеза следовало наказание. Так, в статье «Долой Темноту!» напечатано требование для всех водников зарегистрироваться «на предмет обучения грамоте» и отмечается, что обучение обязательно для всех безграмотных членов Союза рабочих водного транспорта, не посещающих школу, до 45-летнего возраста включительно, а «не зарегистрировавшиеся будут привлечены к ответственности в порядке союзной дисциплины» [7, с. 2].

Согласно данным газет, существовало несколько причин, мешающих быстрой ликвидации безграмотности.

Во-первых, не хватало помещений.

Так, в одной из газет журналист жалуется на хозяйственников, которые совсем не помогают организации

обучения взрослых: в рыбном порту учеба происходит в непригодном помещении — кипятилке, школа погрузочного цеха находится в курилке, в конторе береговой обработки две школы занимаются в одной комнате. [8, с. 2].

Во-вторых, ощущалась острая нехватка педагогического персонала.

В статьях газет неоднократно упоминается о «нужде в педагогической силе» [9, 10]. Например, в феврале 1938 г в одной из мурманских школ занятия для взрослых по русскому языку проводились только 7 раз в связи с отсутствием преподавателя: «Только в 2 Мурманских школах есть вечерние классы. Но в них не организована нормальная учеба... с начала года было только 7 уроков русского языка. Преподаватель познакомился с учениками, ученики написали несколько контрольных работ, и на этом занятия прекратились [8, с. 3]. Даже в самом Отделе народного Образования вместо 46 человек сотрудников работало только 4, а функции его распространялись на весь Мурманский уезд с всеми становищами по Восточному, Западному и Терскому берегам [9, с. 2].

Все учителя детских школ в обязательном порядке вели курсы для взрослых [11, с. 3].

Кроме того, к обучению привлекали коммунистов из общества «Долой неграмотность» и просто грамотных людей, в том числе тех, кто только закончил школу.

Так, в номере 21 апреля 1921 г. Отдел Народного Образования призывает вести в двух направлениях ликвидацию безграмотности. Во-первых, использовать старшие классы вторых ступеней путем привлечения таковых в качестве временных (на лето) ликвидаторов безграмотности. «Таких наберется, скажем, до 10 человек, значит, можно будет открыть пять школ ликвидации безграмотности по 2 человека в каждой». Во-вторых, организовать курсы ликвидаторов безграмотности примерно на 20–25 человек в Александровске, «где сконцентрирован главным образом педагогический состав и где есть прекрасные помещения, свободные летом». [12, с. 1].

И призыв был услышан. Например, в школах для взрослых Союза рабочих рыбной промышленности северных районов за первое полугодие 1939 г. было обучено 1443 малограмотных и 879 неграмотных силами не только 25 учителей, но и 82 культурмейцев. [13, с. 3]. На бондарном заводе в том же году планировалось обучение 290 человек, при том что в школе работал только один штатный педагог, а «остальные преподаватели — активисты культурмейцы: счетовод-комсомолец т.Поляков, табельщицы тт.Сухова, Миронова, сотрудница пла-

нового отдела т.Коновалова, счетчица заготовительного цеха тов. Баранова и др.» [13, с. 3].

Не хватало материального обеспечения школ: учебников, бумаги, карандашей. Так, на собрании при открытии школы по ликбезу на Ст. Жемчужная Мурманской железной дороги многие рабочие и служащие пожертвовали карандаши, бумагу, книги, а «один товарищ согласился сделать классную доску», так как никаких материалов для школы не было [14, с.2].

Общее тяжелое положение рабочих Крайнего Севера, трудная работа, зависимость от работы на удаленных участках, промысла, а также болезни и недостаток продовольствия также не способствовали эффективной учебе. В газетах 1920-х годов неоднократно упоминается о повальном заболевании цингой из-за недостаточного питания, в Мурманске даже была открыта отдельная цинготная больница, чтобы справиться с потоком больных [16, с. 2]. Учителя станции Кузомень жаловались на скудное питание, на то, что получают из довольствия только одну несмолотую пшеницу, хотя выполняют огромный объем работ: на их плечах лежит и школа, и обучение безграмотных, и работа в культурно-просветительских кружках [11, с. 2].

Информация о количестве школ для неграмотных и малограмотных противоречиво представлена в различных источниках. Так, Овчинникова Н.П. со ссылкой на статью 1976 г. Белошистой А.И. (ассистента мурманского педагогического института) утверждает, что в Мурманске уже в апреле и мае 1920 года были открыты 3 школы для взрослого населения, в которые записались 200 человек [16, с. 11–16.]. Однако согласно докладу о работе ГУБОНО о состоянии школ Кольского полуострова в 1922 г., на всем Терском побережье была открыта только одна школа по ликбезу — в самом г. Мурманске. К этой информации добавляется сухой комментарий: «Развернуть работу в этой области не представляется возможным» [17, лист 14.].

Данные газет больше подтверждают информацию А.И. Белошистой, судя по статьям, школы и ликпункты открывались повсеместно. В Полярной правде 23 ноября 1920 г. есть упоминание о том, что на станции Ковда открыта школа грамотности для взрослых [18, с. 3]. В газете от 4 декабря 1920 г. говорится о том, что военморы Службы связи и Лоцдистанции гор. Мурманска «взялись за искоренение малограмотности», и у них уже функционирует школа группы малограмотных и даже приступила к работе вторая более сильная группа с научными предметами преподавания.

В том же номере указывается, что на общем собрании Ловозерской области принято единогласно «обязать

всех свободных граждан обоого пола взрослых и особенно т. женщин к всеобщему обучению, назначив каждый день занятия по вечерам от 5 до 7 часов» [19, с. 2–3]. В газете от 18 января 1921 г. отмечается, что в Дровяном 1920-го января откроют школу для неграмотных взрослых, а в становище Гаврилово коммунисты уже открыли школу [20] и т.п.

Таким образом, данные доклада ГУБОНО следует считать либо неверными, либо учитывать возможность того, что докладчик разделял понятия ликпункта, устроенного на время в любом подходящем для этого здании, и постоянно функционирующей школы, имеющей собственное здание и оборудование. Последних действительно было очень мало, возможно, в 1922/23 году всего одна.

Данные о количестве малограмотных и безграмотных также расходятся. Так, согласно данным культотдела Губпросвета, в 1923 году в Мурманском крае насчитывалось около 600 человек, не умеющих читать и писать [21, с. 144]. А.И. Белошистая в статье 1971 г. указывает, что к 1941 году Мурманская область стала областью 100% грамотности.

Однако информация, полученная из газет, это не подтверждает.

В номере даже 1938 г. отмечается, что на Рыбокобинате есть больше тысячи неграмотных и малограмотных, которые нигде не учатся [Полярная правда № 119, 27 мая 1938 г. С. 2], в другой статье того же года «О состоянии и задачах культпросветработы и культурном строительстве в области» написано, что из учтенных 3268 человек неграмотных обучается только 1652 человека, из учтенных малограмотных 10496 обучается 4168 [22, с. 3].

В 1940 году работа по ликбезу также продолжалась, и количество нуждающихся в обучении письменному русскому языку по-прежнему было немалым. Например, есть информация о том, что в только школе, организованной на местном бондарном заводе, в 1940 году в объеме 4 классов планируют получать знания 200 малограмотных и 90 неграмотных [23, с. 3].

Кроме того, осуществление 100% грамотности, заявленной в официальных документах, было невозможно из-за значительных миграционных потоков: на заводы и предприятия постоянно приходили новые люди, и их надо было обучать [21, с. 142–149].

Очевидно, что к 1941 году проблема безграмотности явно не была решена, а данные отчетов были приукрашены.

Вопросы вызывает также качество самого обучения. Показателем грамотности в то время служило умение

написать свое имя и прочитать разборчивый печатный текст, что, конечно, трудно назвать владением письменной речью.

Косвенным показателем уровня владения русским языком может служить язык самих газетных статей, которые писали наиболее активные и грамотные люди того времени. Вот так, например, выглядит отрывок статьи от 18 сентября 1920 г. «С дезертирами не целуются»: «...теперь каждый честный труженик хорошо знает и понял: что ни кто не даст нам избавления, как только мозолистая рука и нет той силы которая могла бы задушить пролетарскую революцию но трусам и дезертирам это кажется непонятным. И таковые все стадо портят, что и было на данном собрание, как некий Кондратьев — «Труженик Водного Транспорта»,— выставили его кандидатуру в Комитет Райкомвода. Присутствовавший на собрании Кондратьев, как видно услышав, что рабочие ему доверяют. И хотят доверить общее дело профессиональной своей родной организации. Тут же сыграл на руку контр-революции при многочисленном собрании незаметно от всех сбежал и думал, этим отделается стараясь на более полезной ему должности, но Пролетарский глаз всех видит. Кто друг и кто против его...» [24, с. 2–3]. Многочисленные орфографические и грамматические ошибки, бедный язык, штампы, в том числе церковно-славянские типа «дать нам избавления» свидетельствуют о крайне низком уровне владения письменным русским языком и, возможно, о том, что обучение автора велось не в школе по учебникам, а самостоятельно по церковным книгам, как это было распространено в дореволюционной России.

Однако с каждым годом уровень язык авторов статей неуклонно улучшался, пока в 30-е годы не превратился в выхолощенный штампованный язык типичной советской газеты. Согласно отчетам цензоров 1935, 1937 гг. Государственного архива Мурманской области, каждый номер подвергался 2–3 корректорским правкам, редакторской вычитке и проверке цензора. Естественно, что при таком уровне контроля вероятность ошибок сводилась к нулю [25, лист 13].

В статье рассматривались особенности обучения письменному русскому языку взрослого населения на Кольском Севере в рамках программы ликвидации безграмотности на основе данных официальных отчетов и газет. Как показало исследование, данные официальных документов и прессы не всегда совпадают, указывается разное количество безграмотных и школ для обучения. Также в газетах, в отличие от отчетов, есть упоминание о том, что за нежелание учиться безграмотные подвергались определенному наказанию типа лишения продовольственных карточек и т.п. Судя по данным газет, проблемными моментами на пути ликвидации без-

грамотности были факторы, обусловленные как общей политико-экономической ситуацией в стране: разрухой, нехваткой материально-технической базы, — так и специфическими условиями нашего края: тяжелым трудом рабочих Крайнего Севера, зависимостью от работы на удаленных участках, промысла; эпидемией цинги 1920-х; разбросанностью поселений на большой территории; миграционными потоками (постоянным прибыти-

ем новых, в том числе безграмотных людей на местные предприятия) и т.п., — значительно затрудняющими реализацию программы ликбеза. Язык газет также служит косвенным показателем владения письменным языком: малограмотные статьи с большим количеством ошибок 1920-х гг. сменяются тщательно выверенными безупречными с точки зрения грамотности текстами к середине 1930-х гг.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белошистая А. И. К вопросу о ликвидации безграмотности на Мурмане (1920–1930-е гг.) // Программа и сокращенные тексты докладов XII научной конференции Мурманского педагогического института. — Мурманск, 1971. — 113 с. — с. 52–56.
2. Полярная правда № 85, 16 сентября 1920 г.
3. Вестник Мурманска, № 46, 17 ноября, 1923 г.
4. Полярная правда № 83, 11 сентября, 1920 г.
5. Полярная правда № 26, 27 ноября, 1920 г.
6. Полярная правда № 11, 29 января, 1920 г.
7. Полярная правда № 1, 1 января, 1921 г.
8. Полярная правда № 33, 10 февраля, 1938 г.
9. Полярная правда № 39 от 20 декабря 1920 г.
10. Полярная правда № 7 18 января 1921 г.
11. Полярная правда № 15 8 февраля 1921 г.
12. Полярная правда № 28 21 апреля 1921 г.
13. Полярная правда № 224 29 сентября 1939 г.
14. Полярная правда № 15 8 февраля 1921 г.
15. Полярная правда. № 85, 16 сентября. 1920 г.
16. Овчинникова Н. П. Ликвидация неграмотности в Северных губерниях в 1920-е годы: успехи и трудности // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия Гуманитарные и социальные науки. — № 5ю — 2009. — 175 с.
17. Доклад ГУБОНО // ГОКУ ГАМО. Ф. р-90, опись 1, дело 9.
18. Полярная правда № 24, 23 ноября 1920 г.
19. Полярная правда № 29, 4 декабря 1920 г.
20. Полярная правда № 4 11 января 1921 г.
21. Ермаков Р. В. Из истории ликвидации безграмотности среди населения Мурманска в 1920-е гг. // Ушаковские чтения / Материалы I научно-практической межрегиональной краеведческой конференции памяти профессора И. Ф. Ушакова. — Мурманск: МГПУ, 2004. — 373. — с. 142–149.
22. Полярная правда № 280 9 декабря 1938 г.
23. Полярная правда № 22, 28 января 1940 г.
24. Полярная правда № 86, 18 сентября 1920 г.
25. Отчет цензора // ГОКУ ГАМО. Ф. р-278, опись 1, дело 14, лист 13.